

В комнате раздался освежающе звонкий звук пощечины. Королева Нимпаса Оксана упала на пол, издав короткий крик боли.

Разбитая щека сразу же стала опухать, а ее широко раскрытые глаза выражали страх и ужас.

"Как глупо".

Хорнеко не был тем, кто легко проявляет свои эмоции. Даже когда он был моложе, говорили, что у него даже кровь не пойдет, если уколоть его иглой.

Но, тем не менее, в конце концов, он все еще был человеком.

Приближался самый критический момент в его жизни, и не кто иной, как его собственная кровь, собиралась растоптать и разрушить все, совершая ужасные поступки, о которых он и не подозревал.

"Если король Нимпаса заручится поддержкой Сунчул Кима, я никогда тебя не прощу".

холодно заявил Хорнеко, глядя на королеву Нимпаса, которая все еще лежала на земле, держа за лицо.

Он имел в виду, что собирается изгнать ее из семьи.

Хмурый взгляд Оксаны от ошеломления быстро сменился взглядом ужаса.

Она, унаследовавшая немного его интеллекта, смогла быстро понять, что означает изгнание из семьи.

Это означало потерю всей роскоши и защиты, которые она до сих пор считала само собой разумеющимися. А того, у кого нет ни защиты, ни оберега, ждала жизнь, полная несчастий и трагедий.

Несмотря на то, что она была его дочерью, Хорнеко и глазом не моргнул бы, какая бы судьба ее ни постигла.

"Унни, это звучит плохо".

Дерха, рожденная от другой матери, с улыбкой смотрела в сторону Оксаны, теребя в руках мешочек с деньгами.

Ресницы Оксаны дрогнули. Она повернулась лицом к отцу и стала умолять.

"П...папа..."

"Не надо обращаться ко мне с мольбами, Оксана. Эта проблема твоя и тебе ее решать", - холодно заявил Хорнеко, отвернувшись к окну.

Он прекрасно понимал, что наказание дочери ничего не изменит. Но если он не сделает хотя бы этого, то не сможет успокоить свой гнев.

'Это должно было произойти именно сейчас... в такой важный период времени!'

Борьба за пост Наместника Эгейской Гавани возвращалась в нормальное русло.

В происходившей ночной битве Хорнеко доказывал, что обладает влиянием, которое не уступает ни одному из новых претендентов.

В Союзной купеческой коалиции давно сложилась традиция отдавать место у власти действующему президенту, если уровень мастерства кандидатов был примерно одинаковым.

Сунчул, остававшийся в Нимпасе, должен был стать кульминацией плана Хорнеко по переустройству его королевства. А через неделю его не станет.

Об этом знали только Сунчул и сам Хорнеко.

Он собирался использовать это как способ организовать себе подвиг.

Человек, который когда-то поставил Союзную торговую коалицию на грань разорения, снова вернулся в гавань Эге и раскрыл свои дурные намерения. Но, используя свое красноречие, хитрость и бесстрашное мужество, он выгнал бы его законным путем, заключив соглашение, и его запомнили бы за этот поступок.

Создать доказательства злого умысла Сунчула против альянса было делом пустяковым. Даже если он был слабее всех своих соперников, репутация, которую он создавал все это время своими скромными трапезами, давала ему огромное влияние и власть.

Теперь оставалось только показать другим купцам, что он непоколебим и силен в течение следующей недели или около того. Но в самом конце, прямо перед тем, как все было готово, не кто иной, как его собственная дочь, подложила свинью.

Произошел совершенно неожиданный поворот событий.

Хорнеко на собственном опыте прекрасно понимал, насколько это опасно для человека, облеченного властью. Особенно если Сунгчул решит вмешаться в дела Иллеборо из-за трений между королем и королевой, то не исключено, что все, к чему он стремился, оказалось бы напрасным.

И словно в подтверждение его опасений, в кабинет в панике вбежал его подчиненный, чтобы сообщить срочные новости.

"Поступило сообщение, что Враг Мира и король Нимпаса провели тайную встречу в личных покоях короля".

"Ч... Что ты сказал...?!"

Лицо Хорнеко исказилось.

Он окинул Оксану, которая все еще лежала в углу, убийственным взглядом, прежде чем вернуть свое внимание к посланнику.

"Как это произошло? Неужели король Нимпаса заключил своеобразный союз с Врагом Мира? Это не должно вмешиваться в дела Иллеборо...!"

"На данный момент мы этого не знаем. Просто, также было сказано, что безумие короля возобновилось после того, как их встреча закончилась".

"Вот как? Но это также может быть обманом. Король Нимпаса хитрее, чем кажется".

Хорнеко знал, на что пошел король, чтобы защитить свою корону. Хотя он полностью отказался от нее, то, что его намерения раскрыл такой молодой человек, стало для Хорнеко незабываемым унижением.

"Что делать?"

Непредсказуемое развитие событий уже свершилось. Чем это в итоге обернется, известно только Королю Посредников.

Хорнеко хотел устранить непредсказуемые переменные, введя при необходимости искусственные переменные.

Он вспомнил о панацее, к которой имел доступ.

Казалось, ее можно использовать, но истинная эффективность еще не была проверена, поэтому он не хотел прибегать к этой карте. Но в данный момент не было ничего слишком ценного, чтобы он мог сдерживаться и быть экономным.

Хорнеко закончил свои размышления и, повернувшись к гонцу, безэмоционально произнес.

"Отправь сообщение в Орден".

*

Письма Бога не были предметом, который разрешалось читать любому человеку. Только могущественные существа, обладающие необходимой квалификацией, имели право пользоваться этим предметом. Бессмертные, которых клеймили как Злых Богов, не хотели, чтобы к их документам имели доступ слепцы, не знающие, что их ждет впереди.

Стат Интуиция была мерилom понимания мира. Это была единственная объективная мера способности отличать истину от обмана.

Но не все Письма Бога требовали высокой Интуиции. По крайней мере, то, что было у Каза Альмейры, был именно таким.

"Время пришло".

Посланник Ордена Вымирания прибыл в таверну, чтобы передать убийце его задание.

Каз Альмейра усмехнулся и достал документ, который был спрятан в кармане, расположенном ближе к сердцу.

"Слушай. Время, которое ты способен продержаться, используя этот предмет, составляет всего одну минуту", - сообщил ему посланник.

"Одной минуты достаточно".

Каз мог определить огромную ценность нечестивого текста, который он нес, просто положив его на ладонь.

Документ был написан черными фрагментами. Этот материал, иногда называемый божьей глиной или фрагментами бедствия, составлял каждую букву документа.

Каз не смог сдержать своего любопытства и заглянул в документ, и стал свидетелем

волшебного зрелища, как черный меч внезапно появился в воздухе, когда буквы распались.

В результате он смог услышать голос.

[Желаешь ли ты власти? Каз Алмейра].

То, что произошло дальше, не имело для Каза никакого значения. Все, что его волновало, это нетерпеливое ожидание своей мести.

"Используй это".

Посланник бросил Казу кинжал.

Это был самый простой, но самый распространенный инструмент убийц. Каз не стал оценивать это оружие.

Его волновало лишь то, что острие было острым, а рукоять хорошо ложилась в руку. Любая другая информация об оружии или его свойствах не имела значения. Даже если бы ему дали просто кухонный нож с рынка, он бы взял его с благодарностью, потому что теперь у него была сила.

Власть покончить со своим заклятым врагом, причинить ему вред и убить его.

Посланник вручил Казу еще один предмет.

Это было поддельное удостоверение личности, кулон с семейной фотографией и несколько писем и документов.

Каз выбрал удостоверение личности из этой кучи и взглянул на его содержание.

[Лицензия торговца союзной коалиции: Ройс Шампейн].

"Что это?"

"Это предметы, которые ты должен бросить, когда умрешь", - сообщил ему посланник.

На лице Каза появилась холодная улыбка.

"На чьей стороне этот Ройс Шампейн? Является ли он подчиненным Хорнеко? Или, возможно, подчиненный его соперников?"

"Это зависит от того, что вы делаете. Однако епископ возлагает на тебя большие надежды, чтобы ты раскрыл весь свой потенциал, Каз Алмейра, о' последний оставшийся в живых наследник семьи Алмейра".

Сейчас посланник говорил вежливо, в отличие от того, как он вел себя раньше. Он пытался вызвать уверенность Каза. Каз посмотрел на посланника без всяких эмоций, прежде чем холодно ответить.

"Нет нужды из кожи вон лезть, пытаюсь вызвать мою гордость за свою семью. Я послушно выполняю свое поручение. А потом..."

Каз использовал свою единственную оставшуюся руку, чтобы собрать все предметы со стола и положить их в жилет.

"Больше всего на свете я доволен тем, что смогу пронзить сердце этого человека".

Небольшой порыв пронесся между Казом и посланником. Как только порыв улегся, Каза нигде не было видно.

На ночном небе, видневшемся из окна, появилась необычайно яркая сверкающая звезда.

Сияющая звезда называлась звездой убийцы, небесным покровителем убийц.

*

"Ммм. Я очень много думала об этом прошлой ночью", - заговорила Бертельгия во время завтрака.

"Не слишком ли это подло? Даже если этот король испытывает к тебе извращенное восхищение, мы все видели, как сильно он страдает".

Сунчул жевал яичницу и лениво пропускал слова Бертельгии через себя, не проявляя никаких эмоций. Только когда он доел яйца и запил их водой, то открыл рот, чтобы ответить.

"Если бы я не научил его подниматься по лестнице, никакие ласковые слова и утешения не удовлетворили бы его. Он бы воспринял все это как то, что я пытаюсь уклониться от того, чтобы дать ему то, что он хочет".

"Это так...?"

"Было время, когда у меня было такое же мышление, как у него".

"Понятно. Но почему ты пришел в нашу комнату и ешь, как будто это нормально?"

Бертельгия ударила краем обложки по углу стола и повернулась всем телом к Сончулу.

Она продолжила жестким голосом.

"Это наша комната! Твоя комната вон там".

Бертельдия до сих пор не простила Сончула.

Из-за того случая с королем Нимпаса было заключено короткое перемирие, но Бертельгия не получила искренних извинений от Сунчула, и он не показал никаких признаков раскаяния или размышлений о своем поведении.

Она планировала избегать Сунчула вместе с Маракией, но этот план вылетел в трубу, как только Сунчул открыл дверь и вошел без колебаний, словно это была его гостиная.

Слуги принесли его еду в комнату Бертельгии, и он невозмутимо начал есть свой завтрак вместе с Бертельгией и Маракией.

Он не обратил внимания на резкое замечание Бертельгии, а вместо этого посмотрел на еду Маракии и непринужденно спросил.

"Какая любимая специя у авийцев? Кроме меда".

"Среди нахаков лучшей приправой является предсмертный крик животного, чьи кишки ты

жуешь".

"...Ммм. Значит ли это, что у авийцев слух и вкус как-то связаны?"

Бертельгия слушала их абсурдный разговор и думала про себя,

"Этот человек. У меня такое чувство, что со временем он становится все более тщеславным".

В прошлом такую ситуацию невозможно было даже представить.

Когда они впервые встретились, Сунчул чувствовал себя пауком, который борется в паутине, которую сам же и сплел. Бертельгия знала об этом лучше, чем кто-либо другой, потому что наблюдала за ним в непосредственной близости.

Но она считала, что такие перемены не обязательно плохи. Это было доказательством того, что он постепенно меняется. Человек, который не вел себя как человек, менялся.

"Бертельгия. Может, прогуляемся по-быстрому?"

Сунчул набрался смелости и заговорил с Бертельгией дружелюбным тоном.

"Хаа. Действительно. Ты был неудачником даже тогда, когда мы впервые встретились, но сейчас мне кажется, что ты становишься неудачником в другом смысле".

"Не так уж и обидно слышать, возможно, такова моя истинная сущность".

Сунчул схватил Бертельгию и с силой засунул ее в карман.

"Я не хочу! Отпусти меня!"

Бертельгия сопротивлялась, но она никак не могла преодолеть богоподобную силу Сунчула. Сунчул почувствовал ее сопротивление и спокойно добавил.

"Давай просто погуляем немного. Я подробно расскажу тебе, что происходило в течение последней недели, если ты это сделаешь добровольно".

"Грр..."

Бертельгия изображала себя несчастной, но внутри была очень счастлива. Редко когда этот человек, находящийся на вершине апатии, добровольно рассказывал о себе.

"Мне тоже пойти?"

Маракия приготовился последовать за ним, но результат был предreshен.

"Оставайся в комнате и охраняй ее".

Он оставил Маракию позади и, не говоря ни слова, пошел по дорожке цветущего весеннего сада.

Хотя в воздухе не было ни сладкого аромата, ни великолепных цветов, но листва, робко начинавшая окрашиваться в весенние цвета, давала ощущение свежести, которое бывает только при переходе между сезонами.

Как только Сунчул подошел к цветочному саду, наполненному новыми бутонами, которые уже почти готовы были распуститься, он остановился и сказал.

"После того, как я закончил с Крайей и Райзом, честно говоря, я растерялся, что мне делать. Я даже не думал об этом раньше. Я всегда был тем, у кого нет будущего. Большинство людей без будущего обычно быстро умирают, но мне повезло, и я выжил до сих пор. Хотя, признаться, мой показатель удачи просто ужасен".

Сунчул говорил спокойным тоном, который нельзя было отличить от того, как он обычно говорил, но Бертельгия могла обнаружить глубокую искренность, которой обычно не было, поэтому она повернулась, чтобы ответить.

"Это так?"

"Но как только я освободился от этого бремени, я наконец-то смог увидеть дальше цель, за которой гнался всеми силами. Что я за человек".

"И как ты себя оцениваешь?"- спросила Бертельгия совершенно другим тоном.

Сунчул сделал паузу, чтобы подумать, прежде чем ответить. Похоже, что он еще не пришел к какому-то выводу и по этому вопросу, по вопросу своего бытия.

После долгого раздумья он наконец открыл рот.

"По крайней мере... Не ошибка природы".

"Ничего себе, ты думаешь?!"

Бертельгия разразилась гневным криком, что заставило Сунчула слабо ухмыльнуться, и он ответил, нежно погладив ее по обложке.

"Это шутка. По крайней мере, я не считаю себя неисправимым. Немного странно говорить такое о себе... но...".

В этот момент Сунчул заметил человека, стоящего на противоположной стороне сада.

Это было знакомое лицо.

В изношенной одежде, с отсутствующей рукой. На его поясе висел всего один свиток.

<http://tl.rulate.ru/book/2735/2836699>